

Права гимназиста в России XIX - начала XX вв. как историко-педагогическое явление

The rights of a high school student in Russia in the 19th - early 20th centuries as a historical and pedagogical phenomenon

УДК 37.00

DOI: 10.12737/2500-3305-2025-10-3-31-36

Сорокин В.П.

ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», г. Москва

e-mail: Sor.vladislav2013@yandex.ru

Sorokin V.P.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow

e-mail: Sor.vladislav2013@yandex.ru

Аннотация

В статье показано, что, несмотря на отсутствие закрепленных документально прав гимназиста, в образовательном процессе дореволюционной отечественной гимназии они существовали и реально действовали. Подчеркивается, что в историко-педагогических источниках редко встречался термин «право» по отношению к любому субъекту гимназической системы. Между тем, для гимназистов смысл термина «право» содержался в терминах «исполнение желания», «возможности». Права гимназиста обеспечивались кропотливой и целеустремленной работой по модернизации гимназического образования, системой обязанностей всех должностных лиц гимназической системы – администрации, педагогов, классных наставников, надзирателей. Борьба общественности за расширение прав учащегося вела, в том числе, к деформации традиций и сферы образования в целом.

Ключевые слова: гимназическое образование, правовой статус гимназистов, жизненно-ориентированная педагогика, поведение гимназиста, общественно-педагогическое движение.

Abstract

The article shows that, despite the absence of documented rights of a gymnasium student, they existed and really operated in the educational process of the pre-revolutionary domestic gymnasium. It is emphasized that the term "right" was rarely encountered in historical and pedagogical sources in relation to any subject of the gymnasium system. Meanwhile, for gymnasium students, the meaning of the term "right" was contained in the terms "fulfillment of desire", "opportunity". The rights of a gymnasium student were ensured by painstaking and purposeful work on the modernization of gymnasium education, a system of responsibilities of all officials of the gymnasium system - administration, teachers, class mentors, supervisors. The public struggle for the expansion of the rights of the student led, among other things, to the deformation of traditions and the education sector as a whole.

Keywords: gymnasium education, legal status of gymnasium students, life-oriented pedagogy, gymnasium student behavior, social and pedagogical movement.

Введение

В историко-педагогической науке конца ХХ - начала ХХI вв. законодательное обеспечение прав гимназиста оказалось областью исследовательского интереса, который выходил за пределы традиционно принятой в теории педагогики проблематики. Отчасти это связано с актуализацией вопросов правового положения детей и подростков в современных условиях правового государства. Но основной причиной активизации исследовательского интереса к правовому положению гимназиста и выделение этого явления в особый объект историко-педагогического исследования стало изменение границ педагогического анализа, расширение научных представлений о предмете педагогики и ее современных задачах.

Отказ от излишне идеологизированной советской педагогики позволил обратиться к векам накапливаемому опыту и его анализу вне обязательных для советского времени догм и ортодоксальных подходов. В связи с этим в историко-педагогической науке на базе разработки педагогической классики стали выделять научное течение, альтернативное личностно-ориентированной педагогике. Его обозначили как жизненно-ориентированная педагогика.

Она представляла принципиально отличную парадигму от набиравшей силу в постсоветском образовательном пространстве гуманистической (личностно-ориентированной) педагогики. Жизненно ориентированная педагогика исторически базировалась на постулате неделимости жизни и человека в ней.

Приоритетным компонентом в парадигме жизненно-ориентированной педагогики признается жизнь, ее законы и закономерности, принципы и тенденции развития. Личность при этом рассматривается в связи с социумом и мирозданием, условиями жизнедеятельности и взросления.

Корни такого подхода к педагогической проблематике уходят очень глубоко в историю, которая породила широко известный тезис: «жизнь образует (воспитывает)». В соответствии с этим тезисом становилась и накапливала свой потенциал народная педагогика, формировались идеи таких видных представителей мировой педагогической классики как Д. Локк, Ж.Ж. Руссо, Дж. Дьюи, А.С. Макаренко.

Проблема закрепления, сохранения культурных достижений человечества в сочетании с их творческим развитием стала особо злободневной в условиях модернизации России и неизбежного участия в этом процессе системы образования. Различные политические силы создавали и отстаивали свои модели цивилизованной жизни страны, боролись за воплощение в жизнь этих моделей и определять будущее страны, обеспечивать «связь времен», ныне живущих и только еще входящих в жизнь поколений.

В фокусе столкновения и противоборства политических сил и течений за влияние на перспективные направления дальнейшей жизни России оказалась и общеобразовательная школа, гимназия как ее основной тип. Подталкивание молодежи каждой из политических сил в нужное ей русло развития сопровождалось неизбежными социально-педагогическими катализмами и нарушило естественный ход образовательного процесса.

На молодое поколение, воспитываемое гимназией, с середины XIX в. огромное влияние оказывали уже не столько организованные и управляемые педагогами процессы, сколько стихия анархии. Лавинообразным мощным потоком анархия вторглась в недра российского просвещения, подчиняя его своим тенденциям и направлениям развития.

Но даже в условиях все более агрессивного действия стихии неуправляемости в гимназии, государственная образовательная политика пытаясь по мере возможностей удержать неизбежно колеблющийся баланс организованного и стихийного, исходя при этом из заданного государственной властью представления о социально-гуманитарной перспективе страны в единстве с данным этапом ее развития.

Педагогические проблемы в России XIX - начала ХХ вв. не были исключительно «детским» вопросом. Они изначально рассматривались как особая и значимая для социума часть взрослой жизни, ответственной за перспективы взрослеющего поколения.

Просветительская доктрина Российской империи, политико-правовой процесс в российском образовании, предопределили педагогическую деятельность гимназии и стратегию ее развития. Поэтому сфера общего образования в рассматриваемый период и рассматривается современными исследователями в ракурсе «большого модернизационного процесса, во многом определившего долгосрочные тенденции развития России» [3, с.251].

Именно в этот период апробировались и перерабатывались новаторские подходы, строилась национально ориентированная правовая система образования, родственная европейским принципам, но сохранявшая при этом богатые духовно-нравственные устои российской жизни.

Интенсивное формирование новых ценностей, воспринятых от революционной Европы, стимулировало идеологические устремления к правовому государству. В культурно-политическом пространстве России правовые проблемы образования оказались не только юридически значимыми, они получили еще общественно-политическую окраску и социально-педагогическую ценность, значимость. Тенденции изменений в школьном законодательстве в начале XX в. еще один из первых историков гимназического образования И.А. Алешинцев трактовал как показатели и симптомы развития политического курса страны [1].

Уже тогда И.А. Алешинцев обращался к анализу процесса выработки и реализации образовательного законодательства, пытаясь постигнуть логику противоборствующих сил и культурно-педагогических доминант. В многоголосой палитре образовательных смыслов и ценностей не оказалось единой национальной силы и идеи, которая примирila бы разнообразные интересы российских граждан, испытывавших с конца 50-х годов XIX в. мощное воздействие общественно-педагогического движения.

Вопросы правового положения гимназистов, расширения их гражданских прав и свобод приобретали социально-политическую окраску. Эти вопросы стремились изменить в русле освобождения молодого поколения от возложенного гимназией «педагогического гнета» в виде многочисленных обязанностей, детальной регламентации жизни и поведения в учебном заведении, в общественных местах и дома, в быту.

Исторически так сложилось, что изначально статус ученика гимназии определял всю его жизнь. Педагогически ограничивалось пространство его деятельности, в рамках которого он мог проявлять себя и свои индивидуальные особенности. Каждая гимназия до середины 60-х годов XIX в. разрабатывала собственные своды правил, норм для учеников. Равнозначными были оба раздела: обязательное поведение в учебном заведении и обязанности гимназиста вне стен школы. С 1866 г. стали создаваться правила для учащихся, обязательные уже для учебного округа, а с 1874 – для всех гимназистов ведомства министерства народного просвещения.

Выполнение этих правил четко ориентировало воспитанников на конечную цель их образования, которая ежедневно повторялась каждым гимназистом дважды – перед учебным процессом и после его окончания, в ходе молитвы. Этот ритуал был строго обязательным и ориентировал детей таким образом: «Возрасти – (умственно и нравственно) Создателю нашему на славу, родителям нашим на утешение, Церкви и Отечеству на пользу» [Цит.по:2, с.42]. К достижению этой цели, по нормам гимназии, вело строгое соблюдение предписанных правил и исполнение всех зафиксированных для учеников обязанностей. Последние были распределены на семь направлений: религиозные, обязанности по отношению к педагогам; нормы отношений между гимназистами в рамках учебного процесса; отношения гимназистов в рамках учебного заведения, но во внеурочное время; обязательные нормы поведения гимназистов вне стен школы; обязанности учеников, которые проживают на ученических квартирах (нередко у педагогов гимназии).

Особо обговаривалось, что гимназист еще не вправе замахиваться на критику достижений мировой цивилизации, признанных поколениями людей. Он не мог трактовать выдающиеся произведения мастеров художественного слова с точки зрения социально-политических вопросов. Четко указывалось, что такого уровня интеллектуальная

деятельность предназначена для студентов, гимназистам она запрещалась в педагогических целях. От них требовалось основательное понимание того, по поводу чего они высказывались.

Важно подчеркнуть, что при изложении многочисленных обязанностей гимназистов, в школьном законодательстве не были предусмотрены разделы прав. Их намеренно не создали, что явилось следствием господствовавшей в то время установки: права гимназистов обеспечиваются четким выполнением надзирателями, педагогами, классными наставниками, администрацией, окружными инспекторами и другими министерскими чиновниками своих обязанностей. У взрослых также законодательно были закреплены лишь обязанности, вышестоящие лица их выполнением гарантировали права нижестоящих.

При анализе источников нам удалось несколько раз обнаружить упоминание о правах воспитанников. Это были документы, регламентирующие реалии повседневной жизни. Поскольку вопрос о правах учащихся в то время не было принято даже поднимать, приведем редкостные упоминания о явлении, которое в современных условиях гипертрофированно присутствует в повседневной жизни каждой школы.

В начале XX в. упоминалось о «праве на бесплатное содержание», которого лишились за «малоуспеваемость и проступки» [4, с.27]. Более раннее упоминание о правах учащихся школы отразил Циркуляр по Казанскому учебному округу 1868 г., в котором были опубликованы «Правила, по коим воспитанникам казенных высших и средних учебных заведений ведомства Министерства народного просвещения предоставляется право заниматься преподаванием в частных домах». В документе говорилось также о том, что ученикам трех старших классов гимназии «предоставляется также право обучения в частных домах по разрешительному свидетельству от гимназии, за подписью директора» [5, с.123].

Историко-педагогический анализ многочисленных новых для историко-педагогической науки источников показал, что, хотя термин «право» был редко употребляемым на протяжении XIX - начала XX вв., его смысл заменялся другими словами. Реальные права гимназиста подразумевались в контексте разрешения различных педагогических проблем, осмысливания повседневной реальности гимназического быта и отношений.

В циркуляре 1865 г. приводилось Высочайшее повеление «Об изъятии от телесных наказаний лиц, вышедших из гимназий или других средних учебных заведений», там сказано: в дополнение к статье 4 приложения к уложению о наказаниях Свода законов 185 части тома пятнадцатого постановлено, что «изъятие от телесных наказаний распространяется и на лица, хотя не кончившие гимназического курса, но вышедшие из гимназий или других средних учебных заведений по переводе в четвертый класс с одобрительным свидетельством об успехах, как в науках, так и о поведении» [6, с.1]. Право на освобождение от телесных наказаний лиц, не закончивших гимназию, прямо не предусматривалось, однако такая возможность существовала.

В циркуляре 1888 г. смысл права отражен в следующей формулировке – «О предоставлении возможности ученикам гимназии и прогимназии обучаться в сих учебных заведениях обоим новым языкам» [7, с.123]. Это право возникло благодаря целенаправленной деятельности по улучшению условий для саморазвития гимназистов. По наблюдениям чиновников, в Казанском учебном округе во многих гимназиях преподавание французского и немецкого языков было в одни и те же часы. Это было отклонение от школьного законодательства: «такой порядок не соответствует уставу» - гласит документ тех лет [Там же]. Поэтому было дано предписание директорам гимназий обеспечивать такое расписание, чтобы эти языки преподавались не в одни и те же часы и тем самым создать условия для самоопределения школьников, гарантировать гимназистам право (на языке документа того времени «возможность») изучать оба языка.

В опубликованных «Замечаниях учителя Кронштадтской гимназии Капитона Ширского на проект подробной программы преподавания русского языка в 1,2,3,4 классических гимназиях, составленной учителем б Санкт-Петербургской гимназии Михайлом Николенком» также идет речь об обеспечении прав гимназиста и его родителей на качественное образование, без употребления этого термина. Говорилось об «исполнении желания»,

т.е. гарантированном праве на педагогически оптимальную и максимально продуманную организацию учебного процесса по русскому языку.

При этом по сути дела речь шла о введении общих для части гимназий тщательно продуманных учебных программ, с сопроводительными методическими сопровождениями. Педагоги, как показал анализ материала, опубликованного в циркулярах по Санкт-Петербургскому учебному округу, высказывались за использование ими преимуществ составленных самыми опытными учителями учебных программ по русскому языку.

Ставился вопрос об «исполнении желания некоторых господ преподавателей русского языка, выраженного мне в разговорах об этом предмете. Они уверяли меня, и я совершенно согласен с ними, что гораздо удобнее проходить курс и вести занятия с учениками, если имеешь постоянно под руками подробную программу, особенно с объяснительными замечаниями; придишь в класс – и вовсе уже не затрудняешься ни в выборе упражнения, ни в том, что следует далее объяснить ученикам относительно их знаний и развития» [8, с.19].

О том, что качество гимназического образования заботило в те годы и родителей гимназистов свидетельствуют такие строки: все улучшения в содержании и методике обучения направлены на «исполнение желания некоторых родителей, которые отдают в гимназию своих детей не для того только, чтобы видеть их с красным воротником, украшенным петлицами, и не потому, что это необходимо по современным требованиям, а единственно, чтобы дать своим детям основательное образование, необходимое для человека. Такие родители заботятся, чтобы сын их действительно знал все то, что назначено проходить в общеобразовательном заведении, чтобы его познания во всех предметах были не только достаточны для перехода в следующий класс, но, чтобы они принесли ему действительную пользу на каждом, избранном им поприще жизни» [8, с.19].

Термин «право» стал популярным благодаря развитию общественно-педагогического движения, именно в его рамках в министерство народного просвещения стали поступать инициативы от местных союзов деятелей средней школы о правах выбора администрации гимназий, об отмене права директора опротестовывать постановления педагогического совета [5, с.85]. В 1917 г. Всероссийский съезд деятелей средней школы направил в Министерство народного просвещения предложение о включении учащихся старших классов гимназии в состав педагогического совета с правом совещательного голоса. В октябре этого года Министерство народного просвещения рассматривало законопроект по этому вопросу [5, с.87]. Такие вынужденные большие уступки власти общественно-педагогическому движению стали результатом длительного напора общественного мнения.

В начале XX в., особенно в годы первой русской революции 1905-1907 гг., общественно-педагогическое движение и участвующая в политических акциях и протестах молодежь массово требовали изменить правое положение гимназиста. Они выступали с лозунгами предоставить детям и подросткам свободу от обязанностей, установленных и продолжающих действовать правил поведения. Гимназию критиковали за то, что это конвейер по производству типичных единиц, не учитывающий индивидуальные особенности гимназистов.

О том, сколько письменных наблюдений было оставлено педагогами и классными наставниками того времени за каждым гимназистом, радикальные современники начала ХХ в. не знали. В кондуктных книгах, задуманных как дневники наблюдений, в отчетах по посещению ученических квартир, в протоколах заседаний педагогических советов содержались неформальные, педагогически емкие и глубокие заметки. Их содержание, в том числе и из многочисленных архивных источников, уже представлено в историко-педагогической литературе [2].

В циркуляре по Московскому учебному округу 1863 г. отражалась не «казенная», а подлинно человеческая забота об оптимальных условиях взросления молодого поколения в гимназических пансионах.

Если общественно-педагогической движение хлесткими лозунгами пыталось изменить к лучшему правовое положение гимназистов, то педагоги гимназий стремились к «устройству воспитательной части пансионов на рациональных педагогических началах» [9, с.16]. Циркулярно говорилось о том, что «для устройства истинно-воспитательного заведения недостаточно лишь привлекать и пригласить достойных воспитателей, которые могли бы вести дело воспитания рационально. Необходимо, чтобы самое помещение пансионов было приурочено к этому, чтобы каждое отделение воспитанников имело и отдельное помещение, чтобы устроены были для каждого класса и возраста библиотеки, учебные пособия и тому подобное.

Словом, чтобы каждое отделение воспитанников, порученное отдельному воспитателю, имело свое особое хозяйство, образовывало как бы отдельную маленькую семью. Только при этих условиях и можно ожидать воспитательных успехов, ибо только при этих условиях возможно радикальное уничтожение казарменной жизни и ведение индивидуального воспитания» [9, с.16].

Таким образом, когда педагогическая общественность боролась за расширение прав гимназиста, в рамках государственной образовательной политики велась кропотливая повседневная работа по созданию таких условий быта, отношений, деятельности, которые максимально целесообразно содействовали полноценному человеческому образованию и личностному развитию молодого поколения. Но игнорирование этой работы и получаемых реальных результатов под давлением массового сознания, зараженного лозунгами «на злобу дня», стало основной тенденцией модернизации гимназического образования. Эту модернизацию на деле осуществляла уже не власть, а считавшая себя передовой и единственно прогрессивной силой общественность.

Ее либерально-педагогические лозунги будут впоследствии восприняты советской властью, которая в вопросах правового положения ученика в 20-е годы XX в., будет придерживаться намеченного еще в середине XIX в. курса.

Однако реальные результаты воплощения в жизнь таких «передовых» идей с кардинальным изменением правового статуса ученика общеобразовательной школы приведут советское образование к такому положению, преодолевать которое в 30-е годы XX в. придется системой решений, носящих ретроинновационный характер.

Литература

1. Алешинцев И.А. Сословный вопрос и политика в истории наших гимназий в XIX в.- СПб.: Тип. М.А.Александрова, 1908. – 86 с.
2. Козлова Г.Н. Воспитание в отечественной общеобразовательной средней школе: цели, сфера действия, результаты (с начала XIX в. до середины XX в.) Монография. Предисловие А.А.Фролова – Н.Новгород, 1999. - 294 с.
3. Козлова Г.Н., Овчинников А.В. Власть и общество в развитии законодательства в сфере общего образования в России XIX века // Ежегодник российского образовательного законодательства. Том 9, 2014.- С.251-266.
4. Нижегородское семинарское епархиальное общежитие. Исторический очерк ко дню 25-летия существования общежития. Составил А. Тихов. – Н. Новгород: Типография губернского правления, 1901- 46 с.
5. Циркуляр по Казанскому учебному округу. 1868. №15. 1 августа.
6. Циркуляр по Казанскому учебному округу. 1865. 15 января.
7. Циркуляр по Казанскому учебному округу. 1888. №3.
8. Циркуляр по Санкт-Петербургскому учебному округу. 1863. №9. Июнь.
9. Циркуляр по Московскому учебному округу. 1863. №7. Июль.